

Соловьева Мария Владимировна, Русскина Мария Игоревна

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ "КАБАН" И "ОЛЕНЬ" ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМАХ И КУРТУАЗНЫХ РОМАНАХ XII ВЕКА

В статье проводится анализ контекстуальной обусловленности актуализации символического значения лексем "кабан" и "олень" в компаративных конструкциях на материале французских эпических поэм и рыцарских романов XII века. Авторы описывают особенности средневековых символов, указывают на их амбивалентный характер, выявляют закономерности актуализации символа в различных компаративных конструкциях. В статье производится сопоставительный анализ компаративных конструкций, включающих лексемы "кабан" и "олень"; описываются сходства и различия в функционировании этих конструкций в зависимости от жанровой принадлежности текста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 373-376. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.133.1'01

В статье проводится анализ контекстуальной обусловленности актуализации символического значения лексем «кабан» и «олень» в компаративных конструкциях на материале французских эпических поэм и рыцарских романов XII века. Авторы описывают особенности средневековых символов, указывают на их амбивалентный характер, выявляют закономерности актуализации символа в различных компаративных конструкциях. В статье производится сопоставительный анализ компаративных конструкций, включающих лексемы «кабан» и «олень»; описываются сходства и различия в функционировании этих конструкций в зависимости от жанровой принадлежности текста.

Ключевые слова и фразы: историческая стилистика французского языка; символическое значение; компаративная формула; компаративная конструкция; средневековый эпос; средневековый роман.

Соловьева Мария Владимировна, к. филол. н., доцент

Русскина Мария Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет

mvsol77@mail.ru; mariiarusskina@gmail.com

ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ «КАБАН» И «ОЛЕНЬ» ВО ФРАНЦУЗСКИХ ЭПИЧЕСКИХ ПОЭМАХ И КУРТУАЗНЫХ РОМАНАХ XII ВЕКА

Символизм – одна из характерных особенностей средневекового мирозерцания, обусловленная отсутствием чётких границ между сферами реального и сверхъестественного [1, с. 14]. Символ проникает во все сферы жизни человека: он находит своё отражение в ритуалах, изображениях, предметах и, естественным образом, в словах и текстах. Определённый образ актуализирует в сознании средневекового человека обширные смыслы, хранящиеся в сжатом виде в знаках-символах. В своём инварианте символ обладает устойчивостью, но в то же время, коррелируя с культурным контекстом, он способен к модификациям [2, с. 212-215].

В старофранцузских текстах роль минимального контекста, в котором реализуется символическое значение лексем, может играть компаративная конструкция, столь характерная для французского героического эпоса. В эпосе эта конструкция приобретает свойства формулы, т.к. обладает устойчивостью синтаксической структуры и лексического наполнения, повторяемостью и вместе с тем способностью к модификациям, что способствует актуализации различных граней значения символа.

Сравнительные конструкции также характерны для средневекового романа, перенявшего многие стилистические средства эпических поэм. Однако, по сравнению с эпическим стихом, сравнения в романе носят, безусловно, более авторский характер.

В **эпических компаративных формулах** кабан – одно из наиболее часто встречающихся животных. Выбор кабана в качестве объекта сравнения закономерен, ведь кабан играл важную роль в жизни средневекового человека. Охотиться на кабана было не только сложно, но и опасно, поскольку охотнику требовалось сразиться с животным врукопашную. Клыки, жесткая щетина, запах кабана внушали ужас, но в то же время он вызывал восхищение, поскольку бился до последнего вздоха, никогда не отступая. Победа над кабаном считалась подвигом, а само животное в средневековом представлении было символом храбрости и воинской доблести [7, р. 126-127]. Поэтому сравнение с кабаном часто используется для описания неотъемлемых рыцарских качеств, присущих не только положительным персонажам, но и отрицательным и особенно ярко проявляющихся в сражениях. Речь идет о таких качествах, как бесстрашие или грозность (свирепость, ярость).

Так, в «Песни о Гильоме» с кабаном сравнивается юный Вивьен, отважно сражающийся против сарацин:

860 *Dunc se redresce cum hardi sengler* [9, р. 60].

Тогда он выпрямляется, как храбрый **кабан**
(здесь и далее перевод авторов статьи. – М. С., М. Р.).

В эпической поэме «Алисканс» рыцарь – поваренок Ренуар просит Гильома Оранжевого передать ему командование трусами и обещает сделать их отважными, подобно кабанам:

5089 *Vient a Guillelme, un don li va rover,
Que les coarz li leit o soi mener:
Chascun fera hardi come sengler* [4, р. 188].

Идёт к Гильому, у него будет просить дар,
Чтобы трусов ему позволил вести за собой:
Каждого делает храбрым, как **кабан**.

Сравнение с кабаном может актуализировать грозность, ярость, свирепость персонажей. Так, с кабаном сравнивается Герри, дядя Рауля де Камбре, обвинённый в том, что он не смог спасти своего племянника:

3399 *Les ex roelle, sorciux prent a lever;
par contenance fu plus fiers d'un sengler* [15, р. 240].

Он стал вращать глазами, начинает поднимать брови,
Поведением он был более свирепый, чем **кабан**.

Здесь лексема «кабан» реализует другую грань своего символического значения, а именно свирепость и неукротимую ярость.

Так, в «Нимском обозе» маркиз Беранже отчаянно бросается на выручку своему королю, окруженному сарацинами:

357 *La fist tel parc comme as chiens le sanglier*
[11, р. 72].

С такой яростью поубивал всех [сарацин] вокруг себя,
как загнанный **кабан** убивает собак.

В «Алискансе» рыцарь Гильом подобен кабану во время сражения с язычником:

1549 *Il se herisse, come sengler froncha* [4, p. 89]. Он встает на дыбы, фыркнул, как **кабан**.

Со взглядом кабана сравнивается взгляд поваренка Ренуара в тот момент, когда его в первый раз видит Гильом:

3528 *Grant ot le cors et regart de sengler* У него было большое тело и взгляд **кабана**.
[Ibidem, p. 145].

С яростью кабана Ренуара атакуют сыновья язычника Бореля:

6237 *Vers Renoart acourent com sengler* На Ренуара бегут, как **кабаны**.
[Ibidem, p. 231].

В вышеприведенных примерах сравнения с кабаном помогают выразить грозность внешнего вида описываемых персонажей.

Кроме того, это сравнение может приобретать пейоративную коннотацию, если лексема «кабан» употребляется в окружении слов, обозначающих других особей данного вида:

578 *S'il erent pors u vers u sengler,* Если бы они были свиньями, или вепрями,
De hui a un meis nes avriim tuez [9, p. 40]. или **кабанами**,
Мы бы их за месяц не убили.

Следует пояснить, что в средневековой христианской модели мира свинья ассоциировалась со злыми силами. Так, во всех Евангелиях, кроме Евангелия от Иоанна, упоминается эпизод, в котором Иисус изгоняет нечистых духов из бесноватого и приказывает им войти в пасшееся неподалеку стадо свиней. Свиньи, одержимые бесами, бросаются со скалы в озеро. Этот отрывок, который часто комментировался богословами той эпохи, вероятно, способствовал «дурной славе», закрепившейся за свиньей в средневековом мировоззрении. Свинья стала одним из символов сатаны, вызывая страх и отвращение [7, p. 115].

Нужно особенно подчеркнуть следующее. Реализуемое значение символа зависит от минимального контекста – формулы. В стихах 860, 5089 формула включает в себя мелиоративное прилагательное *hardi* («отважный»). Благодаря этому сравнение с кабаном символизирует бесстрашие положительных персонажей.

В стихе 357 выражение *faire parc* («расправляться, опустошать все вокруг себя») отсылает к ситуации, в которой загнанный кабан яростно расправляется с преследующими его собаками. В стихе 1549 компаративная формула указывает на одну из физических характеристик животного, служащую сигналом готовности кабана атаковать, что не может не внушать ужас. В стихах 3528 и 6237 сравнение указывает на грозность персонажей. В стихе 3399 формула содержит прилагательное *fiers* («ужасный»), описывающее ярость разгневанного рыцаря. В этих примерах именно минимальный контекст наделяет лексему «кабан» значением «ярость/свирепость/грозность».

В стихе 578 употребление лексемы «кабан» в сниженном окружении актуализирует пейоративное значение символа.

Иными словами, символическое значение описываемой лексемы обусловлено не только включенностью последней в описание положительного или отрицательного персонажа, но и минимальным контекстом, в данном случае – содержанием компаративной конструкции.

В романах сравнение с кабаном встречается гораздо реже, чем в эпосе. Как правило, оно подчеркивает ярость атакующих, как, например, в следующем отрывке, описывающем сражение рыцаря Ланселота против Мелеганта:

3607 *Si s'antrevient sanz jengler,* И устремляются друг на друга без вызова,
Plus fieremant que dui sengler [13, p. 604]. Яростнее, чем два **кабана**.

Как и в эпосе, сравнение с кабаном в романах может указывать на связь с дьяволом. Так, в «Повести о Граале» подобное сравнение используется для описания незнакомого рыцаря, повстречавшегося на пути Говейна:

6902 *Les chevols ot meslez et ros,* Волосы у него были спутанные и рыжие,
Roides, encontremont dreciez Жёсткие, стоящие торчком,
Comme pors sanglers corrociez [14, p. 1146]. Как у разъярённого **кабана**.

Рыжий цвет волос рыцаря – знак предательства, принадлежности к силам зла, к которым также отсылает лексема *pors* (свинья), предваряющая слово *sanglers*.

В этом отношении показателен следующий пример, в котором описывается встретившийся рыцарю Калогренану уродливый крестьянин:

292 *Je m'aproychay vers le vilain,* Я подошёл к крестьянину,
Et vi qu'il eut grosse la teste И я увидел, что голова у него больше,
Plus que ronchins nê autre beste, Чем у кобылы или у любого другого животного,
Chevez mellés et front pelé, Спутанные волосы и лысый лоб
S'ot bien .ii. espanes de lé, Шириной в две пяди,

*Oreilles moussues et grans
Aussi com a .i. oliffans,
Les souchis grans et le vis plat,
Iols de çuette et nes de chat,
Bouche fendue comme lous,
Dens de sengler agus et rous [12, p. 720]...*

Уши мохнатые и большие,
Совсем как у слона,
Густые брови и плоское лицо,
Глаза, как у совы, и нос, как у кота,
Рот с разрезом, как у волка,
Зубы, как у **кабана**, острые и желтые...

Стихи 292-303 указывают на то, что рыцарю встретился живущий в лесу дикий человек, ассоциировавшийся в то время с силами зла. Устрашающий внешний облик создается при помощи сравнений с совой, котом, волком, т.е. с теми животными, которые символизировали силы тьмы. Упоминание кабана в одном ряду с этими животными актуализирует соответствующее значение лексемы, указывая на его связь с дьяволом.

Вероятно, ориентированность эпоса на широкую аудиторию и более узкая направленность романа на высшее сословие обусловили значительное количественное преобладание сравнений с кабаном в эпических поэмах по сравнению с романом.

Начиная с XII века охота на кабана воспринимается иначе [3, с. 66]. Этому немало способствует церковь, которая считает ее варварской за жестокость и кровавость. Пешая охота становится делом простолюдинов: особам королевской крови и знатым рыцарям не подобает, сойдя с коня, сражаться врукопашную.

На смену охоте на кабана приходит более аристократическая охота на оленя. Считается, что первым мотив королевской охоты на белого оленя ввел Кретьен де Труа в своем романе «Эрек и Энида» (стих 37 и далее) [8, p. 62]. Этот мотив получает широкое распространение в европейской куртуазной литературе XIII века.

Образ оленя противоречив. С одной стороны, Отцы церкви приписывают ему христологические характеристики и ставят его в один ряд с единорогом и ягненком, чему способствует фонетическая близость латинских слов *cervus* («олень») и *servus* («служитель», откуда – «служитель Христов»). Кроме того, страдания, которые испытывает выбившийся из сил олень, терзаемый собачьей сворой, делают из него символ жертвенности [3, с. 77].

С другой стороны, в символике оленя закрепляются быстрота передвижений животного и его стремительность. Оленю приписывается пугливость, заставляющая его стремительно бежать, когда его преследуют охотники.

Интересно, что единственное сравнение с оленем, обнаруженное в «Песни о Роланде», характеризует отрицательных персонажей:

1874 *Si cum li cerfs s'en vaît devant les chiens,
Devant Rollant si s'en fuient paiens [10, p. 208].*

И как **олень** убегает от собак,
От Роланда бегут язычники.

В данном примере символ реализует свое пейоративное значение, указывая на слабость и трусливость сарацин, бегущих от Роланда.

В романах сравнение с оленем наделяет персонажей иным смыслом. В соответствии с кельтской традицией олень считается посредником между двумя мирами, символом света, воплощением сил добра [5, p. 196]. Эта интерпретация символа соответствует духу куртуазного романа, где рыцари, зачастую незаметно для самих себя, переходят из реального мира в мир чудесного.

Так, описывая поединок Клижеса и Говейна на турнире, Кретьен де Труа сравнивает их с бегущим оленем:

4866 *Li uns et li autres s'avance,
Si s'entreviennent d'un eslais
Plus tost que cers qui ot les glais
Des chiens qui après lui glatissent [6, p. 438].*

Один к другому приближается,
Навстречу друг другу устремляются в едином порыве,
Быстрее, чем загнанный **олень**, который слышит лай
Собак, которые на него охотятся (досл.: которые
позади него лают).

В стихе 4866 оленю уподобляются отважные рыцари, поэтому, в отличие от «Песни о Роланде», сравнение здесь имеет явно лаудативный характер. Быстрота передвижения оленя символизирует стремительность поединка, бесстрашие рыцарей. Это же значение актуализируется в других примерах сравнений с оленем, встречающихся в романах Кретьена де Труа:

2400 *Boen vent orent, la nef s'en cort
Et vaît plus tost que cers ne fuit [Ibidem, p. 363].*

Они поймали попутный ветер,
и корабль от этого движется
И плывёт быстрее, чем бежит **олень**.

5627 *Uns chevaliers preuz et vaillanz,
Et ses chevaux estoit saillanz
Et corranz plus que cers de lande [13, p. 661].*

Храбрый и доблестный рыцарь,
И его лошадь была необузданной
И более быстрой, чем **олень** на равнине.

810 *Vint, d'ire plus ardans que brese,
Li chevaliers a si grant bruit
Com s'i cachast en chers de ruit [12, p. 737].*

Прибыл, от гнева пылающий сильнее, чем уголь,
Рыцарь с таким шумом,
Как если бы он гнал **оленья** в период гона.

Сравнение с оленем подчеркивает проворство персонажей, быстроту передвижения животных или предметов.

В течение XII века охота на оленя постепенно вытесняет охоту на кабана, что получает свое выражение как в качественном, так и в количественном отношении. По мнению М. Пастуро, это объясняется тем фактом, что, в отличие от охоты на кабана, за оленем гнались верхом. Кроме того, охота на оленя разворачивалась на достаточно больших территориях, которыми могли владеть лишь знатные рыцари [3, с. 73]. Вероятно, именно поэтому в романах, которые были предназначены для увеселения образованной знати, образ оленя вытесняет образ кабана.

В зависимости от характеризуемых персонажей и от формулы, играющей роль минимального контекста, реализуются различные грани символического значения лексем «кабан» и «олень». Так, в эпосе и в романе сравнение с кабаном указывает на бесстрашие положительных персонажей или на грозность/свирепость/ярость как положительных, так и отрицательных героев. Кроме того, упоминание кабана может свидетельствовать о связи персонажей с силами зла. Но если в эпосе сравнения с кабаном не редкость, то в романе они крайне малочисленны.

Для романа в большей степени характерно упоминание оленя. Он присутствует как в мотиве королевской охоты, так и в сравнениях, где он реализует свое значение ловкости, быстроты, стремительности.

Образ оленя используется в эпосе значительно реже, чем в жанре романа. Кроме того, в эпической компаративной конструкции лексема «олень» актуализирует иное символическое значение. Так, в «Песни о Роланде» сравнение с оленем подчеркивает трусость сарацин, их стремительное отступление перед Роландом.

Таким образом, символическое значение лексем «олень» и «кабан», реализуемое в компаративных конструкциях, зависит от содержания последних, от объекта сравнения и от жанра произведения, в котором эти компаративные конструкции используются.

Список источников

1. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 244 с.
2. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 211-225.
3. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Alexandria, 2012. 442 с.
4. *Aliscans* / Publié par Claude Régner. P.: Honoré Champion, 1990. 369 p.
5. Chevalier J., Gheerbrant A. Dictionnaire des symboles, mythes, rêves, coutumes, gestes, formes, figures, couleurs, nombres. P.: Éditions Robert Laffont, 1986. 1060 p.
6. *Cligès* // Chrétien de Troyes. Romans. P.: La Pochothèque; Livre de poche, 1994. P. 285-494.
7. Duchet-Suchaux G., Pastoureau M. Le bestiaire médiéval. Dictionnaire historique et bibliographique. P.: Le léopard d'or, 2002. 168 p.
8. *Erec et Enide* // Chrétien de Troyes. Romans. P.: La Pochothèque; Livre de poche, 1994. P. 55-283.
9. *La Chanson de Guillaume* / Texte établi, traduit et annoté par François Suard. P.: Livre de poche; Librairie Générale Française, 2008. 358 p.
10. *La Chanson de Roland* / Texte présenté, traduit et commenté par Jean Dufournet; Édition bilingue français-ancien français. P.: GF Flammarion, 1993. 450 p.
11. *Le Charroi de Nîmes* / Édition bilingue de Claude Lachet. P.: Gallimard, 1999. 243 p.
12. *Le Chevalier au Lion* // Chrétien de Troyes. Romans. P.: La Pochothèque. Livre de poche, 1994. P. 705-936.
13. *Le Chevalier de la Charrette* // Chrétien de Troyes. Romans. P.: La Pochothèque; Livre de poche, 1994. P. 495-704.
14. *Le Conte du Graal* // Chrétien de Troyes. Romans. P.: La Pochothèque; Livre de poche, 1994. P. 937-1212.
15. *Raoul de Cambrai*. Chanson de geste du XIIe siècle. P.: Librairie Générale française, 1996. 540 p.

ON ACTUALIZATION OF THE SYMBOLIC MEANING OF THE LEXEMES “WILD BOAR” AND “DEER” IN THE FRENCH EPIC POEMS AND CHIVALRIC ROMANCES OF THE XII CENTURY

Solov'eva Mariya Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Russkina Mariya Igorevna

Saint Petersburg University

mvsol77@mail.ru; mariiarusskina@gmail.com

In the article the contextual conditionality of the actualization of the symbolic meaning of the lexemes “wild boar” and “deer” in the comparative constructions by the material of the French epic poems and chivalric romances of the XII century is analyzed. The authors describe the peculiarities of medieval symbols, point out their ambivalent character, and reveal the patterns of actualization of the symbol in various comparative constructions. In the work, the comparative analysis of comparative constructions, including the lexemes “wild boar” and “deer” is made, the similarities and the differences in the functioning of these constructions, depending on the genre of the text, are presented.

Key words and phrases: historical stylistics of the French language; symbolic meaning; comparative formula; comparative construction; medieval epics; medieval novel.